

эффект в стихотворении “Утро”:

Но светлеет и НЕХОТЯ Тень,
И банальный, ЗА СЕТЬЮ ДОЖДЯ,
УЛЫБНУТЬСЯ ПОПРОБОВАЛ день

(Утро).

Наречие НЕХОТЯ указывает на медленное развитие признака, ЗА СЕТЬЮ ДОЖДЯ – традиционный мотив, способствующий смягчённому восприятию контуров, УЛЫБНУТЬСЯ ПОПРОБОВАЛ – действие, выполненное отнюдь не в полную силу.

Подобных примеров можно привести множество.

Вторым способом создания рассматриваемого эффекта является снижение, смягчение изначально интенсивных значений слов за счёт сопоставления их со словами с деинтенсифицированным значением. Например:

Раззолочённые, но чахлые сады

С соблазном пурпура на медленных недугах (Сентябрь).

РАЗЗОЛОЧЁННЫЕ – форма глагола с усилительным способом действия. Сопоставление с признаком иного качества, но также имеющим отношение к внешнему виду – ЧАХЛЫЕ – снижает качество цвета (увядающие, блёклые). Пурпур – очень яркий оттенок красного цвета, однако уточнение С СОБЛАЗНОМ говорит лишь о тенденции появления цвета. Словосочетание НА МЕДЛЕННЫХ НЕДУГАХ сопрягается со словом ЧАХЛЫЕ. Эффект ярких красок, “пышно-го природы увядания” явно снижается.

Так же снижается цветовой эффект и в стихотворении “Май”:

И только тусклое стекло
Пожаром запада блистает.

БЛИСТАЕТ ПОЖАРОМ ЗАПАДА – яркая цветовая картина, однако соседство этого словосочетания со словосочетанием ТУСКЛОЕ СТЕКЛО предельно локализует место действия и изменяет степень распространённости и насыщенности цвета.

Приведём ещё один пример – отрывок из стихотворения “Ещё один”:

И пылок был, и грозен День,
И в знамя верил голубое

– перед нами яркая картина, сильные, интенсивные признаки – однако они отнесены к прошедшему времени –

Но ночь пришла, и нежно тень
Берёт усталого без боя.

Думается, что этот отрывок не требует комментариев.

В целом в текстах стихотворений сбор-

ника немало слов, обозначающих яркие краски, интенсивные действия, и на общем приглушённом цветовом и звуковом фоне они выглядят необыкновенно ярко, как вспышки, как озарения, но признаки и процессы, которые они обозначают, либо кратковременны, либо поглощены общим фоном, который эти слова только подчёркивают, но не изменяют.

Таким образом, деинтенсификация качества (процесса) является в текстах стихотворений сборника И. Анненского “Тихие песни” конструктивным художественным приёмом, дающим возможность выразить глубинные особенности мироощущения и мировосприятия лирического героя, стимулирующим семантическое развёртывание сюжета многих стихотворений. Мы рассмотрели лишь основные средства создания этого приёма. Практически каждое стихотворение представляет богатый материал для исследования особенностей его конкретного воплощения в поэтических текстах. Дальнейшее развитие интересующий нас художественный приём получил в главном создании И. А. Анненского – сборнике “Кипарисовый ларец”.

М. Н. Кулаковский

О некоторых проблемах методики словообразовательного анализа

Умение анализировать деривационные связи конкретных лексических единиц является одним из важнейших навыков, формирующихся в рамках курса “Словообразование”. При этом общая методика словообразовательного анализа строится на понимании логики развития языка в целом (как структурного и семантического усложнения лексических единиц). Однако при рассмотрении деривационных связей конкретных слов возникает ряд проблем, связанных с возможностью различного подхода к вопросу, а следовательно – их неоднозначного решения.

Традиционно словообразовательный анализ включает в себя выделение:

1) словообразовательной пары, 2) словообразовательной базы, 3) словообразовательного средства, 4) словообразовательного значения форманта и 5) способа словообразования.

При выделении словообразовательной пары некоторые трудности возникают в связи с определением направления синхронической

словообразовательной производности, в частности – при одновременной мотивированности производного слова несколькими однокоренными словами (неверность \Leftarrow неверный и верность; обрадоваться \Leftarrow обрадовать и радоваться). В таких случаях обе словообразовательные пары могут быть признаны равноправными (с некоторым предпочтением отадъективного образования абстрактного существительного). Глаголы со связанными корнями (типа: закрыть – открыть) логичнее рассматривать как взаимопроизводные (синхронически производные друг от друга), а в парах типа “оппонент – оппонировать” в качестве производного, вероятно, следует рассматривать существительное (как проявление общей логики языка “действие \Rightarrow производитель действия”). Спорным является вопрос о направлении производности в паре “робкий – робеть”, которая, с нашей точки зрения, характеризуется равной степенью абстрактности семантики, а следовательно – взаимопроизводна (ср.: бояться \Rightarrow боязливый, где в прилагательном ярко проявляется признак по действию).

В качестве *словообразовательной базы* может выступать основа (в этом случае при разборе в производящем слове графически выделяется основа), целое слово (в производящем слове выделяются основа и окончание как показатель того, что флективная парадигма полностью сохраняется в слове производном), а также сочетание слов или основ. Такое графическое обозначение, с одной стороны, позволяет зрительно представить и понять различия между ними, а с другой – разграничить производящую основу и производящее слово в словах с нулевыми флексиями. Сравним:

горожанин \Leftarrow город (производящей является основа),

пригород \Leftarrow город □ (производящим является всё слово).

Аналогично при сложении:

диван-кровать \Leftarrow диван □ + кровать □ (сложение слов),

лесотундра \Leftarrow лес +, тундра □ (сложение основы с целым словом).

При выделении *словообразовательного форманта* необходимо учитывать морфонологические явления на стыке морфем, в частности – интерфиксацию, признаваемую не всеми

учёными. В некоторых случаях допустимы два равноправных варианта анализа. Например, в слове “африканец” может быть выделен словообразовательный формант -анец- или (с учётом регулярной реализации словообразовательного типа, ср.: Лондон – лондонец) формант -ец- с интерфиксом -ан- (лишённым значения). В других случаях выделение интерфиксов представляется единственно верным вариантом, в частности – между корнями сложного слова: дв-ух-метровый, тр-ёх-этажный (элементы -ух- и -ёх- не имеют значения, а следовательно – не являются морфемами). Разновидностью интерфикса в этом случае логично признать и соединительные гласные, выполняющие аналогичные функции.

Вряд ли целесообразным представляется и выделение в качестве форманта конфикса (или циркумфикса), а следовательно – и соответствующих способов словообразования. Во-первых, в русском языке наблюдается достаточно чёткое разграничение словообразовательного значения элементов, составляющих конфикс, а во-вторых – это требует дальнейшей детализации конфиксов (как комбинации префикса и суффикса; префикса и постфикса; суффикса и постфикса; префикса, суффикса и постфикса). Таким образом, образование слов с помощью циркумфикса должно быть рассмотрено как один из возможных подходов к данному явлению и учтено при описании словообразовательного значения.

Вариативность наблюдается и при определении *способов словообразования*. Так, в качестве равноправных вариантов описания одного явления могут быть признаны: 1) безаффиксный способ, 2) нулевая суффиксация, 3) флективный способ. Традиционное рассмотрение данного способа как нулевой суффиксации сталкивается с целым рядом противоречий. Если выделение нулевого словообразующего форманта в словах типа “зелень” логично мотивировано изменением части речи производящего слова (зелёный \Rightarrow зелень[^]; при этом нулевой суффикс выступает как аффикс, формирующий новую часть речи, ср.: красный – краснота), то в отглагольных существительных (типа “полёт \Leftarrow полететь”) изменение частеречной принадлежности вполне логично может мотивироваться усечением глагольного суффикса. Основные трудности при выделении нулевой суффиксации связаны со спорными моментами определения направления синхронической словообразовательной производности (например – “интим – интимный”; морфемное членение

данной пары непосредственно связано с направлением производности: $\text{интим}^{\wedge} \leftarrow \text{интимный}$, но при обратной направленности: $\text{интим} \Rightarrow \text{итим-н-ый}$). Последовательное применение данной логики рассуждения предполагает выделение нулевого словообразующего форманта в словах типа “супруга” (от “супруг”), “тридцатый” (от “тридцать”), “математик” (от математика), “заика” (от “заикаться”), “золотой” (от “золото”), “свиной” (от “свинья”), что значительно осложняет морфемный анализ. Вероятно, наиболее оправданным следует признать рассмотрение таких производных как образованных флективным способом (как это делает В. Н. Немченко), то есть путём изменения целой парадигмы флексий (флексия при этом выступает как синкретический аффикс). Выделение безаффиксного способа также представляется логичным и связано с традиционной концепцией школьной программы (что является оправданным при подготовке учителей-филологов). Таким образом, многоаспектное рассмотрение данной проблемы не только позволяет выделить различные подходы к вопросу (а следовательно – выработать логику анализа), но и лучше сориентироваться в концепциях различных школьных программ.

Некоторые трудности возникают и при выделении постфиксального способа словообразования (они связаны с разграничением возвратных форм глагола и возвратных глаголов). Наиболее логичным, с нашей точки зрения, представляется рассмотрение постфикса -ся как формообразующего аффикса только в формах страдательного залога (“ягоды собираются ребятами”), а в остальных случаях – как словообразующего (поскольку: а) возвратность – постоянная характеристика глагола, б) у возвратных глаголов представлена своя парадигма). При этом возможны случаи омонимии (“ребята собираются в лес за ягодами”; -ся- является словообразующим аффиксом).

При выделении неморфологических способов словообразования необходимо чёткое разграничение синхронии и диахронии. С синхронной точки зрения могут быть рассмотрены некоторые разновидности морфолого-синтаксического способа, в частности:

1) субстантивация (в том случае, если производящее слово сохранилось в языке: “группа военных – военный госпиталь”; если же связь нарушена, субстантивация может быть рассмотрена только в аспекте диахронии: “пельменная” (в плане синхронии: пельмен-ная \leftarrow пельмени);

2) адъективация (при сохранении в языке производящего: “подходящий момент – подходящий к дому”).

Большинство учёных рассматривает адъективацию только в аспекте диахронии (в частности В. В. Лопатин, Е. А. Земская), однако изменение частеречной принадлежности (а следовательно – и семантики) происходит без изменения морфемной структуры слова, что, вероятно, позволяет рассматривать данный способ словообразования как синхронный. В качестве контраргумента может выступать отсутствие в некоторых случаях непосредственной семантической мотивированности производящим словом, однако подобное явление наблюдается и при субстантивации.

Спорным является вопрос о выделении в синхронном аспекте лексико-синтаксического способа. Данный анализ возможен только в том случае, если при деривации не происходит изменения морфемной структуры, например: $\text{быстротекущий} \leftarrow \text{быстро текущий}$ (но ср.: “умалишённый”; флексия -а становится интерфейсом). Вероятно, равноправным вариантом рассмотрения данного способа является сложение целых слов (или сращение как его разновидность).

Остальные же из неморфологических способов словообразования могут быть рассмотрены исключительно в аспекте диахронии.

Спорными являются и некоторые аспекты разграничения лексической и синтаксической деривации. Признавая в целом данное разграничение, необходимо уточнить, что при синтаксической деривации нельзя говорить об абсолютном сохранении лексического значения производящего слова, поскольку изменение частеречной принадлежности слова мотивирует изменение его общекатегориального значения: $\text{весёлый} \Rightarrow \text{весёлость}$ (признак – качество), $\text{читать} \Rightarrow \text{чтение}$ (действие – процесс).

Таким образом, многообразие рассмотренных нами спорных случаев словообразовательного анализа (а рассмотрены лишь некоторые) позволяет говорить о невозможности однозначного (единственно верного) их решения. Однако такой многоаспектный анализ в некоторых случаях характеризуется большей продуктивностью, поскольку вскрывает различные грани решения проблемы, вырабатывая у учащихся общую логику языкового анализа.